

Xu Yin*

«Книга глѣмага бѣквы» в славянской грамматической традиции

Kniga gl(agol)emaja bukvy in Slavic Grammatical Tradition

<https://doi.org/10.1515/cjss-2022-0011>

Published online December 22, 2022

Аннотация: Статья представляет собой исследование трактата «Книга глѣмага бѣквы», имеющего важное значение для изучения развития славянской грамматической традиции. В рамках типологического подхода к анализу подобных руководств в работе проводится систематическое сопоставление данного пособия с грамматическими словарями церковно-славянского языка Буковницей (РГБ, ф.173.1, № 35, л. 130–235) и «Книга глѣмага бѣквы грамотичнаго оученіа» (РГБ, ф.299, № 336, л. 23 об.–57 об.). Установлено сходство типа описания книжного языка, представленное в трактате «Книга глѣмага бѣквы», с названными орфографическими руководствами, что позволяет охарактеризовать его как упрощенный вид грамматического словаря.

Ключевые слова: славянская грамматическая традиция, грамматический словарь, церковнославянский язык, Книга глѣмага бѣквы

Abstract: This article is devoted to the study of the treatise *Kniga gl(agol)emaja bukvy*, which is of great importance for the study of the development of the Slavic grammatical tradition. This manual is compared systematically with the grammars of Church Slavonic *Bukovnica* (Russian State Library, f.173.1, № 35, fol. 130–235) and *Kniga gl(agol)emaja bukvy gramotichnogo uchenija* (Russian State Library, f.299, № 336, fol. 23 ob.–57 ob.) using a typological approach to the analysis of similar manuals. The established similarity of the description of the literature language, presented in the treatise *Kniga gl(agol)emaja bukvy*, with the noted

*Corresponding author: Xu Yin, School of Foreign Languages, Peking University, Beijing, China, E-mail: yinxuy@pku.edu.cn. <https://orcid.org/0000-0001-9760-1627>

 Open Access. © 2022 the author(s), published by De Gruyter. This work is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License.

orthographic manuals allows us to characterize it as a simplified type of grammar dictionary.

Keywords: Slavic grammatical tradition, grammatical dictionary, Church Slavic language, *Kniga gl(agol)emaja bukvu*

1 Введение

В конце XVI – начале XVII в., когда в истории развития славянской грамматической мысли начался процесс трансформации лингвистического мышления, зарождался новый, грамматический подход к нормализации церковнославянского языка и его последующему преподаванию. В то же время на славянской почве появился особый тип грамматического описания, которое было условно определено исследователями как «грамматический (словоизменительный) словарь» (Аксенова, 1981, с. 69) или «словарь трудностей» (Кузьминова, 2016, с. 40), предупреждающий типичные ошибки в языковой практике.

Проведенный нами типологический анализ (Инь, 2018a) средневековых руководств Буковницы Герасима Ворбозомского 1592 г.¹ и «Книга глѣмала бѣквы грамотичнаго оучѣніа» в сборнике 1622 г. из собрания Н.С. Тихонравова² позволил выявить ряд параметров грамматического словаря церковнославянского языка, имеющих прямые аналоги в современной лексикографической практике: 1) выполнение информативной, нормативной и дидактической функций; 2) парадигматический принцип организации материала; 3) дефинитивный способ описания грамматической семантики; 4) использование научного аппарата для подачи материала.

На основе указанных черт можно заметить, что к описанию данного жанра близок еще один трактат – изданная И.В. Ягичем (Ягич, 1885–1895) «Книга глѣмала бѣквы нже в началѣ ѿ грамматикѣ ѿ просѣди ѿ еже како во стѣх книгѣ кааждѣ пословица писати и глати» (далее **Буквы**).

Цель настоящей работы – выявление специфики воплощения в **Буквах** идеи грамматического словаря как способа описания церковнославянского языка. Был проанализирован широкий круг источников, в том числе грамматика Лаврентия Зизания (Вильно, 1596, далее ГЗ), грамматика Мелетия Смотрицкого (Евье, 1619, далее ГС), Букварь Ивана Федорова (Львов, 1574, далее БИФ, факсимильное изд., 1974) и др.

1 РГБ, ф.173.1, № 35, л. 130–235, изд. и исслед.: Кузьминова & Инь, 2022.

2 РГБ, ф.299, № 336, л. 23 об.–57 об., далее **КБ**, изд. и исслед.: Кузьминова, 2002, 2016.

2 Описание трактата

Трактат «Книга глѣбѣма бѣкъвъ», известный во многих списках XVII в.,³ может быть определен как «полнейший свод истинного грамматического материала» (Worth, 1983, p. 56), имеющий основной задачей уточнение орфографических и грамматических правил, которые, по словам автора, наиболее важны «сѣхъ книгъ каллиграфомъ» (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 731).

Основное содержание трактата начинается с описания надстрочных знаков, получивших широкое распространение в древнерусских рукописях под воздействием второго южнославянского влияния (см.: Гальченко, 2001): «ѡкъсь́ » , «варѣа̀ » , «калѣбра́^ » , «ѣссо́ » , «кавыки́~ » , «кенѣма́^ » , «ѣртица́^ » , «ѣпострофъ́^ » , «врахѣа́^ » , «ѡ́звателное́^ » , а также единиц «внѣ́ числа́ », не выражающих акцентного значения: «титла́^ » , «пробѣла́^ » , «запѣла́^ » , «слогѣ́^ . » (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 731). Далее идет часть «Начало бѣкъвъ по ѡртографѣи» (Ягич, 1885–1895, с. 732), где в алфавитном порядке излагаются списки словоформ существительных и прилагательных сакральной семантики. Следующие пассажи «Двогласное во ѣдинѣ́ лежаще», «Трогласное во ѣдинѣ́» (Ягич, 1885–1895, с. 737–740) и другие аналогичные фрагменты, содержание которых практически идентично, посвящаются расподоблению омографических пар и оппозиций специально подобранных книжных форм, легко смешивающихся под влиянием живого языка. Кроме того, в основную часть сочинения также включены парадигмы глаголов быти и вѣти. В конце трактата продолжается разговор об употреблении диакритических знаков, перечисленных в начале руководства.

Таким образом, для настоящего исследования самыми актуальными стали фрагменты, содержащие конкретные языковые единицы, которые демонстрируют предлагаемые автором орфографические и грамматические правила.

3 Алфавитный принцип организации материала

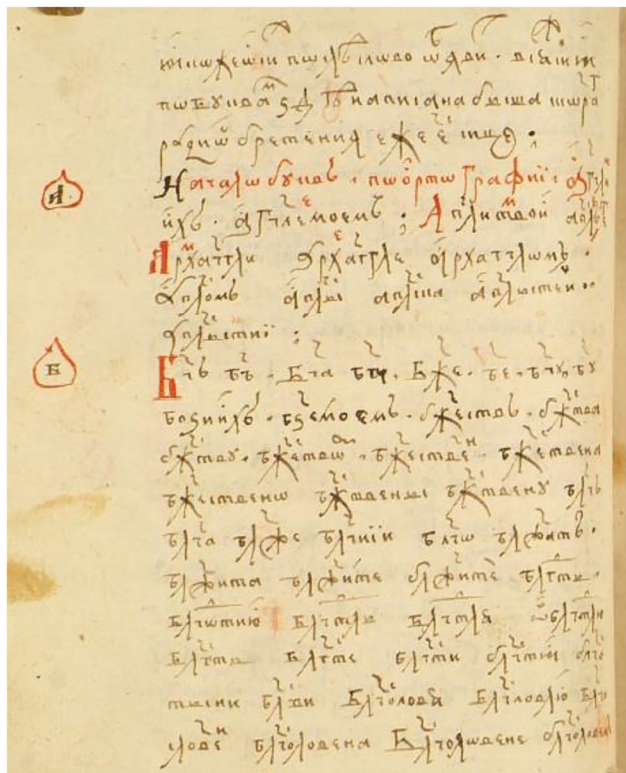
В словарях разных типов, в том числе и в грамматических словарях, активно применяется алфавитный принцип организации материала, позволяющий пользователям легко ориентироваться в многочисленных

³ РГБ, ф.173.I, № 199, л. 30–40 об.; РГБ, ф.256, № 1, л. 1–10; РГБ, ф.299, № 336, л. 96–107; РГБ, ф.310, № 972, л. 26–37 и др.

словарных статьях и осуществлять поиск нужных языковых единиц, что вполне отвечает их информативной и дидактической функциям (см.: Гак, 1990). В сложившейся лексикографической традиции данный принцип может быть реализован как в обычном порядке, так и в обратном.

Аналогично другим грамматическим словарям церковнославянского языка систематизированные словоформы в **Буквах** также приведены в общепринятом в то время алфавитном порядке. Наиболее ярким примером в этом руководстве служит блок «Начало бѣквъ по ѡртографїи», в котором «по бѣквамъ» (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 732) располагаются 24 перечня словоформ, начинающихся с букв от а до ч, что во многом напоминает структуру **КБ** (см. Илл. 1 and 2):

Превосходство подобного способа подачи материала составитель **Букв** видит в удобстве «скараго ради ѡбрѣтенїа» (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 732), что служит непосредственной реализацией указанных выше функций – информативной и дидактической. Алфавитный порядок продолжает

Илл. 1: Редакция **Букв** (РГБ, ф.173.1, № 199, л. 31 об.).

Таблица 1: Алфавитная последовательность в трех словарях.

Буквы	а	б	в	г	д	е	ж	з	ї	и	к	л	м	н	о/ѡ	п
Буковница	а	б	в	г	д	е	ж	з	н	ї	к	л	м	н	о	п
КБ	а	б	в	г	д	е	ж	з	н	і	к	л	м	н	ѡ	п

Буквы	р	с	т	ѡѣ/ѡѣ	ф	х	ѡ	ц	ч	ш	ѡ	ю	ѡ			
Буковница	р	с	т	ѡѣ	ф	х	ѡ	ѡ	ц	ч	ш	ѡ	...	ю	ѡ	...
КБ	р	с	т	ѡѣ	ф	х	ѡ	ц	ч	ш	ѡ	...	ю			

Из таблицы видно, что основные отличия **Букв** от двух грамматических словарей связаны с тем, что в **Буквах**, во-первых, отсутствует фрагмент со словоформами на **з**, что обусловлено принципом отбора объекта систематизации – слов с сакральным значением, во-вторых, в перевернутом виде приводятся буквы **ї** и **и** (подобный формат встречается среди ранних орфографических и грамматических руководств только в грамматике Лаврентия Зизания,⁵ в-третьих, параллельно задаются **о/ѡ** и **ѡѣ/ѡѣ**, обладающие одинаковым фонетическим значением, что объясняется неупорядоченностью употребления соответствующих букв в позиции абсолютного начала слова. При этом стоит отметить, что вставка **ѡ** после **ѡ** в Буковнице также является уникальной в средневековой практике, так как в большинстве пособий того времени буква **ѡ** обычно следует за **ѡ** или **ѡѡ**.⁶

4 Критерий отбора языковых единиц

Значительное сходство **Букв** с Буковницей и **КБ** определяется общим характером отбора объекта в процессе орфографической и грамматической нормализации: анализируемый трактат также был предназначен для предотвращения искажений канонического текста, демонстрации правильного написания книжных форм и адекватного применения диакритических знаков.

Призывая соблюдать изложенные правила, автор обращается к писцам: «... ѡце хѡщѣши писати, добръ дѣлѣ желѣши, нѡ достѡи ти семѣ ѡ добръ вѣдѣицѣ навѣицѣи ѡ превѣдовѣ добръ волѣзнено ѡсѣати» (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 743). К тому же составитель **Букв** прибегает к стандартной тактике, которую традиционно используют славянские книжники: он

⁵ Ср.: ГЗ, 1596, л. 2.

⁶ Ср.: Ягич 1885–1895: 638, 688, 781–784; ГС, 1619, л. 6; БИФ, 1574, л. 1.

поощряет читателей следующей фразой: «*нѣцѣи бѣ ѡбръѣцѣ, рѣ гдѣ*» (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 743), – ссылаясь тем самым на Священное Писание.⁷

Проведенная в **Буквах** селекция языкового материала дает возможность увидеть ключевые проблемы славянской лингвистической рефлексии того времени. В отличие от Буковницы и **КБ**, которые посвящены прежде всего дифференциации омонимичных пар и реализации нормализаторской концепции предшествующих грамматик, в **Буквах** основное внимание автора уделяется употреблению небуквенных орфографических знаков и связанной с ним кодификации правильного написания слов под титлом и слов с двумя возможными акцентными знаками.

Можно предположить, что во всех частях с практическим материалом автор руководствуется именно принципом дифференциации, под которым он понимает следующие два момента.

С одной стороны, как и в других грамматических словарях церковнославянского языка, создатель **Букв** противопоставляет члены омографической пары «*просѡдѣми*» (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 737), т.е. знаками оксией и вариет, например: И=В мн.ч. // Р ед.ч. сущ. с.р. *рѣбра ѿхъ* – *рѣбра моѣго*; И=В дв.ч. // Д=М ед.ч. сущ. ж.р. *рѣцѣ ѿхъ* – *рѣцѣ моѣи* (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 737), аналогичные пары зафиксированы и в Буковнице, ср.: Р ед.ч. // И=В мн.ч. сущ. с.р. *рѣбра ѣдинаго* – *рѣбра нашы* (л. 139), Д=М ед.ч. // И=В дв.ч. сущ. ж.р. *рѣцѣ ѣдинои* – *рѣцѣ нашы* (л. 139 об., дифференциация осуществлена с участием оппозиционных графем ѿ – ѡу), а в **КБ** такие же формы задаются в виде одного слова, над которым ставятся два акцентных знака: *рѣбра, рѣцѣ* (л. 48).

С другой стороны, в отличие от Буковницы и **КБ**, в части «*Начало буквъ по ѡртографѣи*» автор **Букв** подчеркивает разграничение нетождественных форм одного слова с сакральным значением, приводя своеобразные словоизменительные гнезда с формами, различающимися между собой «*бѣквою точію ѣдиною*» или «*бѣквами ѣдиными*» (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 732, 737), т.е. окончаниями в современной терминосистеме. Таким образом, становится вполне ясным появление в **Буквах** таких именных и глагольных парадигм, как, например, *бѣтвѣ, бѣтвѣ, бѣтвѣ, бѣтвѣ* (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 732), *воскрѣсѣ, вѣскрѣсѣ, вѣскрѣсѣ* (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733), а также парадигм смешанного типа, например, *вѣскрѣни, вѣскрѣноу, вѣскрѣнѣ* (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733). Подобная концепция подачи языкового материала получила свое воплощение в одноименной части «*По ѡртографѣи*» (л. 12–22

7 Ср. синодальный перевод: Мф. 7:7; Лк. 11:9.

об.) Букваря Ивана Федорова (Львов, 1574).⁸ По нашей статистике, из 151 парадигмы/слова⁹ **Букв** была подобрана первопечатником в свой учебник 121 (80,1%) с незначительным дополнением на шесть парадигм/слов, например, **ѡгѣльска**, **ѡгѣльско**, **ѡгѣльски**, **ѡгѣльскѡ**, **ѡгѣльстѣ**, **ѡгѣльсти** (л. 12), **зла**, **злѣ**, **злѡ**, **злѣи**, **злѡ**, **злѣи**, **злѣи** (л. 16 об.), **фарисѣи** (л. 21) и др.

5 Структура парадигм

Большой интерес для изучения стратегии организации парадигм представляет часть «**Начало вѣкъ по ѡртографѣи**», кодифицирующая всего 635 словоформ. Основной принцип, которым руководствуется автор в составлении материала, можно определить как принцип максимальной подачи всех возможных форм одного слова без учета омонимичных явлений, т.е. требуется приводить внутри парадигмы в современном смысле этого слова только те единицы, которые не схожи между собой по внешнему облику, причем такое различие в большинстве случаев заключается именно в последней букве (ср. цитату выше: «**вѣкою точію ѣдиною**»). Подобное представление полностью соответствует традиционной интерпретации окончания как конечной буквы в «осмочасти»: «**Разньствѣю же падѣиѣ ѡмѣнна кождо дрѣгѣ к дрѣгѣ ѡ к правѣ ѡхъ, по конѣнѣ писмѣ**» (л. 70), ср. соответствующее определение падежа в вопросно-ответной редакции трактата: «**В Чтѣ ѣ падежи ѡ Падежи наричѣтсѣ послѣднѣ писмѣ всѣмѣ ѡмѣнѣ.**» (л. 79)¹⁰ (см.: Кузьмина, 2012, с. 58).

В отличие от Буковницы (особенно ее первой части) и **КБ**, в которых структура парадигм определяется их целью (внедрение в практику графико-орфографических оппозиций для дифференциации омонимичных форм) и обычно демонстрируется парами противопоставленных форм в определенной последовательности (ср.: Буковница: [1] Т ед.ч. сущ. м.р. // [2] Д мн.ч. сущ. м.р., [3] И ед.ч. притяж. прил. м.р. // [4] Р мн.ч. сущ. м.р.: [1] **ѡгѣломѣ ѣдиномѣ**, [2] **ѡгѣломѣмѣ мнѡгымѣ**, [3] **ѡгѣловѣ глаѣ**, [4] **ѡгѣловѣмѣ всѣхѣ** – л. 130; **КБ**: [1] В мн.ч. сущ. м.р. // [2] И мн.ч. сущ. м.р. [1] **ѡгѣлы гѣи**, [2] **ѡгѣлы гѣи** – л. 26), в **Буквах** при изложении языковых единиц автор прибегает к совсем иному принципу: каждую форму одного слова

⁸ Об отношениях между **Буквами** и Букварем Ивана Федорова см. также: Быкова, 1955; Лукьяненко, 1960.

⁹ Параллельное употребление двух понятий здесь обусловлено тем, что в обоих пособиях в перечне форм иногда даются только отдельные слова именительного падежа, не составляющие парадигму.

¹⁰ Цит. по списку: РГБ, ф.299, ед. хр. 336.

располагает таким образом, чтобы их последние буквы могли бы составить следующее распределение: ъ/ь, а, е, и, о, ъ, ы, ъ (см.: Worth, 1983, с. 58). Помимо первого члена, все остальные четко следуют тому алфавитному порядку, который широко используется средневековыми книжниками. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что такой порядок присвоен и большинству существительных немужского рода вне зависимости от грамматического статуса начальной формы с современной точки зрения, ср. парадигму сущ. ж.р. «дѣа» – дѣъ, дѣа, дѣо, дѣѡ, дѣы, дѣѣ (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733); парадигму сущ. с.р. «сръце» – сръцъ, сръца, сръце, сръцѡ, сръцы (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 735). Подобная тенденция трактовки формы на ъ/ь как начальной в парадигме селективного характера засвидетельствована и в Буковнице при комбинировании сложных словарных гнезд (Кузьминова & Инь, 2022).

Так, из 635 словоформ в части «Начало вѣкъ по ѡртографіи» образована всего 131 парадигма, количество членов каждой парадигмы варьируется от 2 до 8. Ниже для каждого типа мы приводим конкретную статистику и типичные конструкции, соответствующие авторской логике (по порядку и составу: формы на ъ/ь, а, е, и, о, ъ, ы, ъ):

8-членная парадигма (всего 5): мѣрдъ, мѣрда, мѣрдѣ, мѣрди, мѣрдо, мѣрдѡ, мѣрдѡ, мѣрдѣ (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 734), хѣвъ, хѣва, хѣвѣ, хѣви, хѣво, хѣвѡ, хѣвы, хѣвѣ (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 736);

7-членная парадигма (всего 14): дѣвнъ, дѣвна, дѣвнѣ, дѣвни, дѣвно, дѣвнѡ, дѣвны (отсутствует форма на ъ) (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733), любовѣръствѣ, любовѣръствена, любовѣръствене, любовѣръствени, любовѣръствено, любовѣръственѡ, любовѣръственѣ (отсутствует форма на ы) (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 734);

6-членная парадигма (всего 23): дѣдъ, дѣда, дѣдѣ, дѣдо, дѣдѡ, дѣды (отсутствуют формы на и и ъ) (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733), чѣгѣ, чѣти, чѣго, чѣѡ, чѣты, чѣѣ (отсутствуют формы на ъ и а) (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733);

5-членная парадигма (всего 27): мѣнкъ, мѣнка, мѣнки, мѣнко, мѣнкѡ (отсутствуют формы на е, ы и ъ) (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 735), срънъ, сръна, срънѣ, сръни, сръны (отсутствуют формы на о, ѡ и ъ) (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 735);

4-членная парадигма (всего 21): хѣъ, хѣа, хѣѣ, хѣѡ (отсутствуют формы на и, о, ы и ъ) (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 736), чѣкъ, чѣка, чѣко, чѣѡ (отсутствуют формы на е, и, ѡ и ы) (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 736);

3-членная парадигма (всего 17): бѣжнъ, бѣжна, бѣжены (отсутствуют формы на е, и, о, ѡ и ъ) (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733), ѡчѣнка, ѡчѣнки, ѡчѣнкѡ (отсутствуют формы на ѡ, е, о, ы и ъ) (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 736);

2-членная парадигма (всего 24): ѡгнѣ ѡхъ, ѡгнѣ моеѡ (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 732), гѣди ваши, гѣдѣ моеѡ (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733).

Результаты анализа показали, что у автора далеко не всегда получает полную реализацию реконструированная схема, состоящая из 8 членов с разными окончаниями, причем в 28 из 131 парадигмы (21,4%) установленная последовательность подачи языкового материала была значительно нарушена. По нашим наблюдениям, нестабильность в составе членов и порядке их изложения обусловлена следующими причинами:

- 1) **Разнообразие словоизменительного потенциала:** Выделенные в перечне восемь конечных букв не всегда встречаются при словоизменении каждого объекта систематизации, причем в целях согласования с установленной схемой во всех структурах автор может допускать искусственные формы, которые не употребляются в языковой практике. Рассмотрим несколько репрезентативных случаев: конструкция с полной реализацией схемы характерна исключительно для прилагательных с исходом основы на твердый согласный, ср. парадигму в **Буквах** и фрагмент парадигмы в грамматике Смотрицкого (соответствие указывается цифрами) (Таблица 2–5):

Таблица 2: Прилагательные с исходом основы на твердый согласный.

ГС (л. 74 об.–76)				Буквы (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 736)
сѣѣ				хѣѣ
м.р.	ж.р.	с.р.		
ед.ч.				
И	сѣѣ[1]	сѣѣ[2]	сѣѣ[5]	хѣѣ – [1]
Р	сѣѣ[2]	сѣѣ[7]	сѣѣ[2]	хѣѣ – [2]
Д	сѣѣ[6]	сѣѣ[8]	сѣѣ[6]	хѣѣ – [3]
В	сѣѣ[2]	сѣѣ[6]	сѣѣ[5]	хѣѣ – [4]
З	сѣѣ[3]	сѣѣ[2]	сѣѣ[5]	хѣѣ – [5]
М	сѣѣ[8]	сѣѣ[8]	сѣѣ[8]	хѣѣ – [6]
мн.ч.				хѣѣ – [7]
И	сѣѣ[4]	сѣѣ[7]	сѣѣ[2]	хѣѣ – [8]
В	сѣѣ[7]	сѣѣ[7]	сѣѣ[2]	

В парадигму существительных мужского рода с исходом основы на твердый согласный из схемы можно включить максимально 7 членов, ср.:

Таблица 3: Существительные мужского рода с исходом основы на твердый согласный.

ГС (л. 55–55 об.)		Буквы (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 734)	
ѡрѣстѣ		крѣтѣ	
ед.ч.			
И	ѡрѣстѣ[1]	крѣтѣ – [1]	
Р	ѡрѣста[2]	крѣта – [2]	
Д	ѡрѣстѣ[6]	крѣте – [3]	
В	ѡрѣста[2]	крѣти – [4]	
З	ѡрѣсте[3]	крѣто – несуществующая форма	
М	ѡрѣстѣ[7]	крѣте – [5]	
мн.ч.		крѣты – [6]	
И	ѡрѣсти[4]	крѣте – [7]	
Р	ѡрѣстѣ[1]		
В	ѡрѣсты[6]		
З	ѡрѣсти[4]		
Т	ѡрѣсты[6]		

Конструкция существительных женского рода с исходом основы на твердый согласный должна состоять максимум из 6 единиц, ср.:

Таблица 4: Существительные женского рода с исходом основы на твердый согласный.

ГС (л. 32 об.–33)		Буквы (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733)	
дѣба		дѣба	
ед.ч.			
И	дѣба[2]	дѣба – [1]	
Р	дѣбы[5]	дѣба – [2]	
Д	дѣба[6]	дѣба – [3]	
В	дѣба[4]	дѣба – [4]	
З	дѣба[3]	дѣба – [5]	
М	дѣба[6]	дѣба – [6]	
мн.ч.			
И	дѣбы[5]		
Р	дѣба[1]		
В	дѣбы[5]		
З	дѣбы[5]		

Такой же состав актуален для существительных среднего рода с исходом основы на твердый согласный, ср.:

Таблица 5: Существительные среднего рода с исходом основы на твердый согласный.

ГС (л. 45–45 об.)		Буквы (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733)
дрѣво		ѣство
ед.ч.		
И	дрѣво[3]	ѣствѣ – [1]
Р	дрѣва[2]	ѣства – [2]
Д	дрѣвѣ	ѣство – [3]
В	дрѣво[3]	(ѣствѣ – в парадигму не включена)
З	дрѣво[3]	ѣствы – [4]
М	дрѣвѣ[5]	ѣствѣ – [5]
мн.ч.		
И	дрѣва[2]	
Р	дрѣвѣ[1]	
В	дрѣва[2]	
З	дрѣва[2]	
Т	дрѣвы[4]	

- 2) **Комбинация двух принципов дифференциации:** Как показано выше (см. параграфы 2, 4), другой важной задачей составителя **Букв** является расподобление пар омографов, а также специальных книжных форм, подвергающихся смешиванию под влиянием живого субстрата, таким образом, в двухчленную конструкцию в части «Начало вѣквы по ѡртографѣи» могут попасть такие пары,¹¹ как И мн.ч. // М ед.ч. сущ. м.р. ѡггѣ^ѣ ѡхъ – ѡггѣ^ѣ моемъ (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 732); властитѣл^ѣ ѡхъ – властитѣл^ѣ моемъ (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733), И=В мн.ч. // Д=М ед.ч. сущ. ж.р. вѣдѣ^ѣ ваши – вѣдѣ^ѣ моѣи, (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733); И=В мн.ч. // Р ед.ч. сущ. ж.р. горѣ^ѣ ихъ – горѣ^ѣ моѣѡ (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733); Д=М ед.ч. ж.р. // И мн.ч. м.р. местоимен. прил. с суф. -ск мѣнчѣстѣ^ѣи – мѣнчѣстѣ^ѣи (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 735). Иногда подобные пары могут участвовать в построении более сложных структур, будучи расположенными в парадигме вне зависимости от господствующего алфавитного порядка, например, вѣки мнѣзи, вѣка,

¹¹ Смешение форм на ѣ/и и ѣ, по мнению Ворта (Worth, 1983, р. 60), обусловлено сближением ѣ с ѣ [y^е] и и [i] под диалектным развитием *ѣ > [i].

вѣкъ, вѣцѣ ѣдиномъ, ѡ вѣко (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733); двѣскъ, двѣска, двѣски, двѣскъ, двѣтѣи, двѣтѣи (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733).

- 3) **Вставка отдельных флексий:** В 8 парадигмах существительных появляются формы дательного-творительного падежей на *омъ/емъ* (6 случаев), *амъ/амъ* (2 случая), занимающие либо конечную позицию в конструкции, например, *бжтвѣ, бжтва, бжтвѣ, бжтвѣ* (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 732), *прѣмрствѣ, прѣмрствѣ, прѣмрствѣ, прѣмрствѣ* (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 735), либо соответствующее место для формы на ожидаемую в перечне букву, не допускаемую, однако, в языковой практике, например, *црь, црѣмъ (ѣ → емъ), цри, црю, цра* (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 736), *црква, црква (а → а), црквѣ, цркви, црквѣ* (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 736). Кроме выделенных в предыдущем блоке форм на *еи* и *и*, в этой же части **Букв** можно встретить и прилагательные с другими адъективными флексиями (всего 6 примеров): *крѣцѣни, млтвѣ, прѣтѣ, прѣтѣ, прѣтѣ, стѣ* (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 734–735).
- 4) **«Затягивание» начальной формы:** Отмеченное нами в начале данного параграфа противоречие в трактовке начальной формы для существительных немужского рода иногда приводит к нарушению предписанного порядка. Так, подобная ситуация наблюдается в двух парадигмах существительного среднего рода, где на первом месте размещены формы именительного падежа единственного числа, например, *нѣо, нѣа, нѣѣ ...* (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 735), *ржтвѣ, ржтва, ржтвѣ, ржтвѣ, ржтвѣ* (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 735), – такое решение также повлияло на соседние формы прилагательного, вследствие чего в двух случаях зафиксировано перенесение на начало формы на *а* или *ѣ*: *наша, нѣѣ, нѣѣ, нѣѣ, нѣѣ*¹² (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 735), *прѣпнѣ, прѣпнѣ, прѣпна, прѣпни, прѣпнѣ, прѣпнѣ* (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 735).
- 5) **Положение звательного падежа:** В **Буквах** отмечается тенденция к размещению формы звательного падежа с маркирующим элементом «*ѡ зватѣльное*» при нарушении общей последовательности (всего 5 примеров): *вѣа, вѣа, вѣѣ, вѣѣ, ѡ вѣѣ* (форма на *ѣ* должна появиться после второго члена на *а*) (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733), *вѣки мнози, вѣка, вѣкъ, вѣцѣ ѣдиномъ, ѡ вѣко* (форма на *о* должна занять место перед членом на *ѣ*) (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733), ср. немаркированный вокатив *вѣжѣ* в парадигме *вѣгъ, вѣга, вѣжѣ, вѣгѣ, вѣго* (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 732).

¹² В данной конструкции позицию «ѣ» занимает форма с иным корнем: *н(ѣ)нѣ*.

- 6) **Окончания мягкой разновидности ю и ѡ:** В группу объектов нормализации автор Букв редко включает существительные и прилагательные с исходом основы на мягкий согласный, требующие написания собственных окончаний мягкой разновидности буквами ю и ѡ, в необходимых случаях формы на ю и ѡ могут быть представлены в парадигме: а) вместо соответствующих единиц с окончанием ѣ и ѡ, например, иѥль, иѥлъ (а → ѡ), иѥе, иѥн, иѥю (ѣ → ю), иѥѣ (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 734), крѣть, крѣтъ (а → ѡ), крѣли, крѣлю (ѣ → ю) (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 734); б) в абсолютном конце в общепринятом алфавитном порядке ю, ѡ или в обратном виде ѡ, ю, например, ѣтѣь, оуѣтѣь, оуѣтѣл, оуѣтѣю, оуѣтѣъ (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 736), иѥь, иѥе, иѥъ, иѥю (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733).
- 7) **Представление формы в двух написаниях:** Иногда парадигма может расширяться за счет разных стратегий сокращения одного слова сакральной семантики в канонических текстах, например, бѣзь, бѣ̇, бѣ̈а, бѣ̉а, бѣ̊е, бѣ̋ѣ, бѣ̌у... (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 732), прѣтъз, прѣстъз, прѣта, прѣста... (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 735).
- 8) **Окказиональная перестановка:** В крайне редких случаях автор может путать места соседних форм, например, бжѣтвӗ, бжѣтвенӑ, бжѣтвеню̆, бжѣтвенй, бжѣтвенѣ̆ (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 732), ненѣз, ненӑ, ненӗ, ненѣ̆, неенѣ̆, неенѣ̆, неенѣ̆, неены̆ (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 735).

6 Реализация принципа антистиха

Вместе с заданной системой описания отдельное внимание автора **Букв** также уделяется реализации принципа антистиха, под которым понимается принцип графико-орфографической дифференциации омонимичных форм в церковнославянском языке (Кузьмина, 2001, 2011). Получивший впервые на славянской почве обоснование в трактате Константина Костенечского «**Сказаніе ѡ ѣзыцѣ славѣннѣмъ ѡ писменѣ ...**» (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 383–487), принцип антистиха получил дальнейшее развитие в ряде авторитетных орфографических руководств у восточных славян и был положен в основу орфографической и грамматической кодификации двух грамматических словарей церковнославянского языка.

Так, в первой части Буковницы, предназначенной для различения на практике оппозиционных графем $\alpha - \text{а}, \eta - \text{е/ы}, \omicron - \text{о}, \text{ъ} - \text{ѡ}, \text{ѣ} - \text{ѣ}, \text{ѥ} - \text{ѥ}$ из трактата « $\text{О мнѣжествѣ і ѡ єдинствѣ}$ » (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 719–724), традиционный подход к реализации принципа антистиха подвергся существенному переосмыслению и трансформации. Руководствуясь принципом

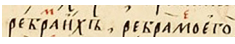
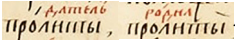
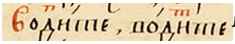
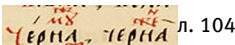
внимание и на семантическую оппозицию «священное – профанное», имеющую чрезвычайное значение для средневековых книжников, предписывая: «всѣ́ко сѣ́ое ѿменованѣ писати по́ покрѣ́тѣ. та́ко всѣ́ко ѿма ѿпа́шее писати скла́домъ, а не по́ покрѣ́тѣмъ» (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 742). Самым ярким примером в приведенном автором практическом материале служит оппозиция И мн.ч. // М ед.ч. сущ. м.р. **вѣ́зи ѿхъ – вѣ́ѣ моѣ́** (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 732), в которой не только противопоставляются значения «профанное» и «священное» написанием титула в последнем, но и маркируется грамматическая семантика множественного числа показателем **ѡ**.

7 Способы семантизации и соответствующие технические приемы

Стратегия дифференциации и предупреждения ошибок требует точного определения грамматического значения отобранных единиц. Аналогично Буковнице и **КБ**, в **Буквах** также активно применяются дефинитивный и контекстуальный (иллюстративный) способы семантизации.

Грамматические дефиниции приписываются киноварью над членами почти всех без исключения пар контрастирующих форм: **м** – множественное число, **ѣ** – единственное число, **да́тел** – дательный/творительный падеж, **родит** – родительный падеж, **повѣлителное/п** – императив, **т'воримое/т** – индикатив, **мѡ́ж** – мужской род, **жен** – женский род, ср. соответствующие примеры в Таблице 6.

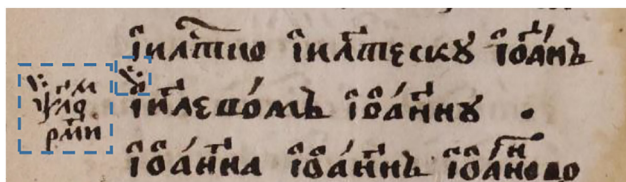
Таблица 6: Единицы с грамматическими дефинициями в **Буквах**.¹⁴

морфологическая характеристика	оппозиционные формы	фрагмент в оригинале
Р ед.ч. // И=В мн.ч. сущ. с.р.	рѣбра ѿхъ – рѣбра моѣго	 л. 102
Т мн.ч. м., с.р. // Р ед.ч. ж.р. прич.	прѡлѣнты – пролѣты	 л. 102
императив // индикатив 2 л. мн.ч. гл.	водѣте – вѡдѣте	 л. 103
Р ед.ч. м.р. // И ед.ч. ж.р. прил.	чѣрна – черна	 л. 104 об.

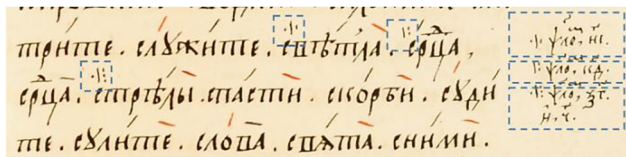
¹⁴ РГБ, ф.299, № 336, л. 96–107.

Кроме того, в целях семантической конкретизации 86 словоформ в **КБ** приводятся в расширенном контексте, позволяющем установить грамматическое или лексическое значение той или иной словоформы. При использовании контекстуального способа семантизации безусловно доминируют (73 из 86 – 84,9%) местоимения (ѣхъ – всего 27, моѣмъ – 17, моѣн – 9, моего – 6, мои – 1, мон – 1, моѣа – 1, твоѣ – 1, ваши – 7, вашѣ – 1, егѡ – 1, ѡнн – 3) и слова с количественным значением (мнози – 2, ѣдиномъ – 1), например, В мн.ч. // М ед.ч. сущ. м.р. домы ѣ – домѣ моѣмъ (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733), И мн.ч. // М ед.ч. сущ. м.р. дрѣзи ваши – дрѣзѣ моѣ (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 733); в остальных 13 случаях контекст образуют слова других частей речи, например, в словосочетании оумъ рѣки водою (цит. по Ягич, 1885–1895, с. 737) подчеркнутые слова указывают именно на принадлежность кодифицированной формы к глаголу.

Вместе с тем в одной из редакций **Букв**¹⁵ зафиксировано представление подобного контекста в виде отсылки к Псалтыри, которую хорошо знал любой грамотный человек Средневековья. Таким образом читатель может легко ориентироваться в знакомых канонических текстах и найти нужные фрагменты для определения грамматической характеристики: Д мн.ч. притяж. прил. иѣвѡмъ (ѣѡ, рѣи [Псалом, 148] → пѣснь всѣмъ прѣпнымъ его. сѡвѣ [иѣвѡ] [Пс. 148 – цит. по Геннадьевской Библии, изд. Архимандрит Иннокентий, 1997, с. 339]). Аналогичный подход осуществляется посредством знака сноски в виде \ с точками и широко используется в **КБ**: так, фиксируются 153 такие словоформы, ср. фрагменты в обоих рукописях (Илл. 3 и 4):

Илл. 3: Редакция **Букв** (РГБ, ф.247, № 22, л. 6 об.).

Илл. 4: **КБ**, л. 26.

¹⁵ РГБ, ф.247, № 22, л. 6 об.

8 Заключение

Установлено значительное сходство анализируемого трактата с Бук-овницей и **КБ** по всем перечисленным признакам, что позволит нам, по всей вероятности, определить **Буквы** как упрощенный вид грамматического словаря, в котором, несмотря на ограниченный объем в связи с принципом отбора материала, почти полностью воплощается идея подобного типа описания церковнославянского языка. Исходная целеустановка **Букв** – предотвращение искажений канонического текста и стабилизация книжной традиции, применение иллюстративного (контекстуального) способа семантизации свидетельствуют о том, что представленная систематизация форм еще не отрывается от текстов полностью. Вместе с тем, зафиксированный в **Буквах** нестабильно реализованный парадигматический принцип организации языковых единиц, дефинитивный способ определения грамматической семантики, применение справочно-ссылочного аппарата для подачи материала явно свидетельствуют о важном значении этого трактата для изучения славянской грамматической традиции и отражают тенденцию развития грамматического подхода к книжному языку.

Research funding: This research was funded by the National Philosophy and Social Science Foundation of China (project number: 21CYY048).

Список литературы и источников

- Worth, D. S. (1983). *The origins of Russian grammar: Notes on the state of Russian philology before the advent of printed grammars*. Columbus, Ohio: Slavica.
- Аксенова, Е.А. (1981). Важный памятник средневековой грамматико-лексикографической традиции (текстологический и акцентологический анализ). *Советское славяноведение*, (1), 66–77.
- Архимандрит Иннокентий (Просвирнин). (1997). *Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. 4: Псалтырь*. М.: Новоспасский монастырь.
- Быкова, Т.А. (1955). Место “букваря” Ивана Федорова среди других начальных учебников. *Известия Акад. наук СССР. Отделение литературы и языка*, 14(5), 469–473.
- Гак, В.Г. (1990). Словарь. In В. Н. Ярцева (гл. ред.), *Лингвистический энциклопедический словарь* (с. 462–464). М.: Советская энциклопедия.
- Гальченко, М.Г. (2001). Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности (Графико-орфографические признаки второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV в.). In *Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси (Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Т. I)* (с. 325–382). М.: УНИК, АЛЕТЕЙ.

- Инь, С. (2018а). Грамматические словари церковнославянского языка конца XVI – начала XVII в. *Казанская наука*, (11), 116–122.
- Инь, С. (2018б). Стратегия реализации принципа антистиха в книжной практике Буковницы 1592 г.: традиции и инновации. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, (4), 42–46.
- Кузьмина, Е.А. (2001). Антистих. In *Православная энциклопедия. Т. II* (с. 549–553). М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия».
- Кузьмина, Е.А. (2002). *Грамматический сборник 1620-х гг.* Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli. Dipartimento di studi dell'Europa orientale.
- Кузьмина, Е.А. (2011). Принцип антистиха в славянской грамматической традиции. *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*, (5), 36–55.
- Кузьмина, Е.А. (2012). *Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв.* М.: МАКС Пресс.
- Кузьмина, Е.А. (2016). «Словарь трудностей» церковнославянского языка XVII в. *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*, (2), 40–50.
- Кузьмина, Е.А., & Инь, С. (2022). *Грамматический словарь Буковница 1592 г.: издание и исследование.* М.: Издательство Московского университета.
- Лаврентий Зизаний. (1596). *Грамматика словенская.* Вильно.
- Лукьяненко, В.И. (1960). Азбука Ивана Федорова, ее источники и видовые особенности. In *Труды Отдела древнерусской литературы XVI* (с. 208–229). М., Л.: Издательство АН СССР.
- Мелетий Смотрицкий. (1619). *Грамматики Славенския правильное синтаagma.* Ефье.
- Иван Федоров. (1974). *Азбука. 1574, 1974.* М.: Просвещение.
- Ягич, И.В. (1885–1895). Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. In *Исследования по русскому языку. Т. I* (с. 289–1023). СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. акад. наук.